

Аналитическая статья

УДК 316.47

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.4

ФЕНОМЕН ДРУГОГО В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Хилханов Д. Л.

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

khilkhanovdl@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9382-7757>

Аннотация. Феномен Другого является базовой основой при формировании коллективной идентичности. Самоидентификация Я неизбежно состоит из различных элементов других культур. Другой является важнейшим фактором формирования культурной идентичности. Без значимого Другого нет законченного Я. По своей сути отношение к иммигрантам является одним из ярких выражений культурной и социальной дистанции между Я и Другим. В условиях информационного общества феномен Другого подвергается процессам трансформации, поэтому исследование его основных маркеров в современных условиях является для нас актуальной задачей.

В качестве методологической основы применялся системный подход к анализу маркеров культурной границы с иммигрантами как представителями коллективного Другого. Были проанализированы результаты Всемирного исследования ценностей (WVS) по России за 2017–2020 годы (7-я волна).

Как показывает WVS, в российском обществе наблюдается достаточно толерантное отношение к носителям других языков и вероисповедания на уровне соседского бытового общения. Это значит, что язык и религия перестают быть главными компонентами отличающими Другого, при этом в виртуальной реальности значение Другого сохраняется, так как уровень доверия к нему остается низким более чем в половине случаев.

Можно отметить, что сегодня на первый план выходят такие образы Другого, которые складываются не из исторически обусловленных культурных признаков, таких как язык и религия, а конструируются на основе предполагаемых негативных последствий, приписываемого им возможного потенциального ущерба для общества. Эти образы конструируются в первую очередь в массмедиа и социальных сетях, которые являются коммуникационной основой информационного общества. Они представляют иммигрантов как гомогенные группы, приписывая им всем без исключения возможные негативные модели поведения. В период кризиса, вызванного модернизацией, феномен Другого в России трансформируется и дополняется новыми сконструированными образами, для поддержания необходимой культурной дистанции.

Ключевые слова: Другой, культурная идентичность, информационное общество

Для цитирования: Хилханов Д. Л. Феномен Другого в современных условиях // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 2 (46). С. 47–58. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.4

Analytical article

UDC 316.47

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.4

THE PHENOMENON OF THE OTHER IN MODERN CONDITIONS

Dorzhi L. Khilkhanov

Moscow City University,

Moscow, Russia,

khilkhanovdl@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9382-7757>

Abstract. The phenomenon of the Other is the basic basis for the formation of a collective identity. Self-identification I inevitably consists of various elements of other cultures. Other is the most important factor in the formation of cultural identity. Without a meaningful Other there is no complete I. At its core, the attitude towards immigrants is one of the clearest expressions of the cultural and social distance between the Self/Other. In the conditions of the information society, the phenomenon of the Other undergoes transformation processes, therefore, the study of its main markers in modern conditions is an urgent task for us.

As a methodological basis, a systematic approach was used to analyze the markers of the cultural border with immigrants as representatives of the collective Other. The results of the World Values Survey (WVS) for Russia for 2017–2020 were analyzed (7 wave).

As the WVS study shows, in Russian society there is a fairly tolerant attitude towards speakers of other languages and religions at the level of neighborly everyday communication. This means that language and religion cease to be the main components that distinguish the Other, while in the real virtuality the meaning of the Other is preserved, since the level of trust in him remains low in more than half of the cases.

It can be noted that today, such images of the Other come to the fore, which are not made up of historically determined cultural features, such as language and religion, but are constructed on the basis of the alleged negative consequences attributed to them of possible potential damage to society. These images are constructed primarily in the mass media and social networks as the basis of the information society. They present immigrants as homogeneous groups, attributing to all of them, without exception, possible negative behavior patterns. During the crisis caused by modernization, the phenomenon of the Other in Russia is transformed and supplemented by new constructed images in order to maintain the necessary cultural distance.

Keywords: the Other, cultural identity, information society

For citation: Khilkhanov, D. L. (2023). The phenomenon of the Other in modern conditions. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (46), 47–58. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.46.2.4>

Введение

Феномен Другого является базовой основой при формировании коллективной идентичности. «Коллективные идентичности имеют внешние составляющие: эти идентичности определяются целыми напластованиями “Других”» [Нойманн, 2004, с. 14]. Идентичность является амбивалентной сама по себе, поскольку формируется в области культурных границ между различными социальными группами, в своеобразной маргинальной зоне, где взаимодействуют кардинально различные культурные элементы [Турарбекова, 2022].

В этих условиях самоидентификация Я неизбежно состоит из различных элементов других культур. Другой является важнейшим фактором формирования культурной идентичности [Кожевникова, 2021]. Без значимого Другого нет законченного Я. Исследования Другого является темой философской рефлексии со времен Античности [Жукоцкая, 2022]. Фраза античных мудрецов «Познай себя» трактуется в том числе как призыв к самоидентификации. Сам же процесс такой самоидентификации неизбежно требует наличия Другого, как четкого критерия различия между Я и Другим.

Люди всегда идентифицировали себя на основе определенных маркеров, в том числе языка, территории, религии, ритуалов, традиций и обычаев (существует множество культурных артефактов, могущих выступить в качестве таких маркеров). Концепция Ф. Барта сдвинула фокус исследований именно на усилия социальной группы по поддержанию культурной границы в актуальном состоянии [Барт, 2006]. В этой ситуации именно феномен Другого является основным мотивом и критерием определения этой границы.

В простых сообществах культурная идентичность реализовалась в противопоставлении «люди – нелюди», в дальнейшем развитии общества дихотомия трансформируется в противопоставление «представители моего рода,

сородичи – инородцы», сегодня мы трактуем это противостояние как «соотечественники – иностранцы», но если же речь идет о ситуации внутри страны, например России, то «россияне – иммигранты». Современные экономические и миграционные процессы в развитых странах мира выдвинули проблемы отношений к иммигрантам на первый план в социальных и психологических исследованиях. По своей сути отношение к иммигрантам является одним из ярких выражений культурной и социальной дистанции между Я и Другим. В условиях информационного общества феномен Другого в России подвергается процессам трансформации, поэтому исследование его основных маркеров и образов в современных условиях является для нас актуальной задачей.

Методологические основания

В качестве методологической основы применялся системный подход к анализу маркеров культурной границы с иммигрантами как представителями коллективного Другого. Были проанализированы результаты Всемирного исследования ценностей (WVS) по России за 2017–2020 годы (7-я волна), находящиеся в открытом доступе на сайте: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>. Это исследование является самым масштабным в истории, оно проводится с 1981 года более чем в 90 странах мира [Haerpfer et al., 2020]. Доступность баз данных для исследователей со всего мира послужила основой 30 000 публикаций на сегодняшний день. Данная база данных динамики ценностных ориентаций является репрезентативной, по мнению экспертов [Gedeshi et al., 2020].

Результаты

Таблица 1

**В этой таблице Вам представлены различные группы людей.
Пожалуйста упомяните те группы, которые Вы не хотели бы видеть
в качестве своих соседей, %¹**

Вопросы	Упомянуты	Не упомянуты
Q19. Люди другой расы	15,7	84,3
Q21. Иммигранты / иностранные рабочие	32,3	67,7
Q23. Люди другой религии	11,3	88,7
Q26. Люди, которые говорят на другом языке	12,6	87,4

¹ Здесь и далее перевод с английского Д. Л. Хилханова.

Таблица 2

В какой степени Вы доверяете представителям различных групп, %

Вопросы	Полностью доверяю	Частично доверяю	Не доверяю в значительной степени	Не доверяю полностью	Не знаю
Q62. Люди другой религии	4,6	30,8	34,5	20,5	9,1
Q63. Люди другой национальности	5,1	31,5	34,2	19,8	9

Таблица 3

Как Вы считаете, какой эффект оказывают иммигранты на развитие Вашей страны, %

Вопросы	Не согласен	Затрудняюсь ответить	Согласен
Q122. Заполняют рабочие места на рынке труда	35,8	6	58,2
Q123. Усиливают культурное разнообразие	53	6,6	40,4
Q124. Рост уровня преступности	22,8	7,5	69,7
Q125. Убежище для политических беженцев	19,7	10,6	69,6
Q126. Увеличение угрозы терроризма	20	7,8	72,2
Q127. Помощь бедным, чтобы они могли начать новую жизнь	20,4	7,5	72,1
Q128. Рост безработицы	27,8	8,2	64
Q129. Рост социальных конфликтов	19,3	7,7	73

Дискуссионные вопросы

Анализ опросов WVS показывает, что отношения россиян к иммигрантам, иностранным рабочим в два-три раза менее терпимое (32,3 % опрошенных не хотели бы иметь их соседями), чем к представителям другой расы, носителям другого языка, религии (12–15 %).

Более половины (54–56 %) респондентов прямо не доверяют представителям другой национальности и религии. Из числа опрошенных 9 % затруднились ответить на этот вопрос, т. е. они еще не сформировали свое мнение на этот счет.

В первую очередь респонденты идентифицируют иммигрантов как носителей потенциальной угрозы для их благополучия. Они приписывают им следующее: занятие иммигрантами рабочих мест на рынке труда, рост безработицы, рост

уровня преступности, угрозы терроризма, развитие конфликтов (от 64 до 73 %). В нейтральном плане россияне воспринимают иммигрантов как политических беженцев и как людей, стремящихся вырваться из бедности (69,6 % и 72,1 % соответственно).

Итоги WVS в визуальном выражении представлены на культурной карте мира Инглхарта – Вельцеля, которая представляет собой точечную диаграмму, где исследованные страны представлены по вертикальной оси Y (традиционные и светско-рациональные ценности) и по горизонтальной оси X (ценности выживания и самовыражения) [*The World Value Survey*, 2020].

Шкала ценностей выживания-самовыражения Р. Инглхарта определяет степень перехода страны к постиндустриальному обществу. Ценности выживания отражают вопросы экономической и физической безопасности, покорность, низкую оценку прав человека, низкий уровень доверия и толерантности. Ценности самовыражения — это вопросы экологии и защита окружающей среды, терпимость к иностранцам, рост требования к участию в экономической и политической жизнедеятельности государства, высокая оценка прав человека [Inglehart et al., 2014].

Р. Инглхарт подчеркивает рост ценностей самовыражения в странах, где проходили опросы WVS, он связывает этот факт с успешным социально-экономическим развитием: «Модернизация превращается в процесс человеческого развития, в рамках которого социально-экономический прогресс ведет к изменениям в культурной сфере, усиливающим вероятность утверждения личной независимости, гендерного равенства и демократии, формируя общество нового типа, способствующее эмансипации людей сразу по многим направлениям» [Инглхарт, Вельцель, 2011, с. 11].

Культурная карта мира Инглхарта – Вельцеля показывает, что Россия по шкале ценностей выживания-самовыражения имеет показатель в 2020 году: –0,5. В 1990-е данный показатель составлял: –1,9 [*The World Value Survey*, 1996]. При этом отрицательные значения шкалы выживания-самовыражения: –0,5 для России, говорят о том, что ценности выживания в нашей стране в целом еще преобладают, хотя прогресс ценностей самовыражения является более чем очевидным. В условиях доминирования ценностей самовыражения терпимость к Другому, в первую очередь к иностранцу, является заметным признаком постиндустриального общества [Inglehart, 2018]. Такой тип общества также называют информационным.

Особенности культурной идентичности в эпоху современного информационного общества рассматривает в своих работах М. Кастельс [Castells et al., 2018a]. По его мнению, основой такого общества являются социальные сети, с развитой ризоморфной системой коммуникаций. Философы Ж. Делез и Ф. Гваттари ввели понятие ризомы как символа эпохи постмодернизма [Deleuze, Guattari, 1976]. Главным признаком такой системы коммуникаций, отличающим ее от исторически традиционной древовидной иерархической структуры, является горизонтальный характер ее связей [Либерта, 2021].

Отсутствие вертикальной иерархической системы является признаком современных социальных сетей. Автономность этих сетей от контроля со стороны государства обеспечивает быстрое развитие ценностей самовыражения.

М. Кастельс отмечает, что культурная идентичность, сформировавшаяся в ходе исторического развития, в информационном обществе сохраняет свое значение [Castells, 2018]. При этом процессы модернизации, несомненно, изменяют ее традиционные маркеры. В многонациональных и поликонфессиональных государствах миноритарные этнические группы сегодня, как правило, актуализируют свою культурную идентичность. «Национализм, локализм, этнический сепаратизм и культурные общины порывают с обществом в целом, выстраивая его институты не снизу вверх, но изнутри вовне, то есть те, кто суть мы против тех, кто к нам не принадлежит» [Кастельс, 2000, с. 506].

Язык и религия — это традиционные определяющие культурные маркеры этничности и национальности [Хантингтон, 2016]. Язык ассоциируется с определенной культурой, «он в любое время, на протяжении которого эта связь наличествует, наилучшим образом может называть артефакты, формулировать выражения или выражать интересы, оценки и мировоззрение этой культуры» [Fishman, 1991, p. 20].

Фишман писал, что «модели социализации ребенка ассоциируются с определенным языком, что культурные стили межличностных отношений ассоциируются с определенным языком, что этические принципы, лежащие в основе повседневной жизни, ассоциируются с определенным языком, и что даже материальная культура и эстетическое восприятие обычно обсуждается и оценивается посредством фигур речи, которые по большей части существуют только в этой культуре, а не являются универсальными» [Fishman, 1991, p. 24].

Автор статьи ранее рассматривал влияние Интернета на развитие языков [Хилханов, Хилханова, 2021, с. 55–65]. Появление феномена транслингвальности, создание гибридных языковых форм, смешанный код — это отличительные особенности развития современной языковой ситуации у миноритарных этносов [Хилханова, Хилханов, 2020, с. 38].

Как показывает исследование WVS, в российском обществе наблюдается достаточно толерантное отношение к носителям других языков и вероисповедания на уровне соседского бытового общения. Это значит, что язык и религия перестают быть главными компонентами, отличающими Другого, при этом в виртуальной реальности значение Другого сохраняется, так как уровень доверия к нему остается низким более чем в половине случаев.

Можно отметить, что сегодня на первый план выходят такие образы Другого, которые складываются не из исторически обусловленных культурных признаков, таких как язык и религия, а конструируются на основе предполагаемых негативных последствий приписываемого им возможного потенциального ущерба для общества. Эти образы конструируются в первую очередь в массмедиа и социальных сетях, которые являются коммуникационной основой информационного общества. Они представляют иммигрантов как гомогенные группы,

приписывая всем им без исключения возможные негативные модели поведения. При этом позитивная/нейтральная оценка иммигрантов также существует в форме эмпатии к ним как к политическим беженцам и людям, пытающимся построить лучшую жизнь.

Заключение

Информационное общество должно являться по определению космополитичным и интернационалистским, поскольку основывается на ценностях самовыражения. Ризоморфность сетевых коммуникаций обеспечивает свободное равноправное общение между представителями различных национальностей, что потенциально ведет к их сближению. Такие традиционные культурные коды как язык и религия, перестают быть основными маркерами этнической границы в России [Khilkhanova, 2021]. В то же время феномен Другого остается актуальным в виртуальной реальности. В дополнение к традиционным культурным кодам приходят новые сконструированные гомогенные образы Другого в виде приписывания всем иммигрантам негативных моделей поведения. Это связано с тем, что в период модернизации коммуникационных технологий, взрывного увеличения информационных потоков значение культурной дистанции сохраняется, а, по мнению М. Кастельса, в виртуальной реальности происходит увеличение дистанции между «между глобализацией и идентичностью, между сетью и “Я”» [Кастельс, 2000, с. 44]. В период кризиса, вызванного модернизацией, феномен Другого в России трансформируется и дополняется новыми сконструированными образами, для поддержания необходимой культурной дистанции.

Список источников

1. Барт Ф. (ред.) Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий: сб. ст. / пер. с англ. И. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2006. 200 с.
2. Жукоцкая А. В. «диалог культур» и «культура диалога» — о взаимных гарантиях и дефицитах // Диалог культур. Культура диалога: цифровые коммуникации: мат-лы Третьей Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 29 марта – 02 апреля 2022 г. / редколлегия: Л. Г. Викулова (отв. ред.) [и др.]. М.: Языки Народов Мира, 2022. С. 124–130.
3. Инглхарт Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ. / под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
5. Кожевникова М. Н. Значение Другого в контексте философско-антропологических оснований образования // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 1. С. 73–86. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-1-73-86

6. Либер А. От структуры к ризоме: трансдисциплинарность во французской философии. Субъект ре-/децентрированный // Логос. 2021. Т. 31. № 3. С. 123–148. DOI: 10.22394/0869-5377-2021-3-123-145

7. Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В. Б. Литвинова, И. А. Пильщикова; предисл. А. И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.

9. Турарбекова Л. В. «Поколение Я-Поколение Мы»: парадоксы префигуративной культуры на постсоветском пространстве / Л. В. Турарбекова, А. М. Канагата, Д. Р. Сапарова, С. Ж. Едилбаева // Вестник ЕНУ им. Л. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. 2022. Т. 139. №. 2. С. 168–188. DOI: 10.32523/2616-7255-2022-139-2-168-18

9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ, 2016. 640 с.

10. Хилханов Д. Л. Феномен культурной дистанции в современных условиях (языковые и религиозные факторы) / Д. Л. Хилханов, Э. В. Хилханова // Вестник МГПУ. Философские науки. 2021. № 3 (39). С. 55–65. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.06.

11. Хилханова Э. В. Этнокультурная идентичность мигрантов из восточных регионов бывшего СССР в свете теории «столкновения культур» / Э. В. Хилханова, Д. Л. Хилханов // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 1. С. 31–38. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-31-38

12. Castells M. Rupture: The Crisis of Liberal Democracy. Cambridge: Polity Press, 2018. 176 p.

13. Castells M., Bouin O., Caraça J., Cardoso G., Thompson J. B., Wieviorka M. (Eds). Europe's Crises. Cambridge: Polity Press, 2018a. 476 p.

14. Deleuze G. Rhizome: Introduction / G. Deleuze, F. Guattari. Paris: Les Éditions de Minuit, 1976. 74 p.

15. Fishman J. A. Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. England: Multilingual Matters, 1991. 431 p.

16. Gedeshi I. European Values Study Longitudinal Data File 1981–2008 (EVS 1981–2008). Köln: GESIS Datenarchiv, 2020. ZA4804 Datenfile Version 3.1.0. / I. Gedeshi, P. M. Zulehner, D. Rotman, L. Titarenko, J. Billiet, K. Dobbelaere, J. Kerkhofs. <https://doi.org/10.4232/1.13486>

17. Haerpfer C., Inglehart R., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranen B. (Eds.). World Values Survey: Round Seven — Country-Pooled Datafile. Spain: Madrid; Austria: Vienna: JD Systems Institute & WWSA Secretariat, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp>

18. Inglehart R., Haerpfer A., Moreno C., Welzel K., Kizilova J., Diez-Medrano M., Lagos P., Norris E., Ponarin B. (Eds.). World Values Survey: All Rounds — Country-Pooled Datafile Version. Madrid: JD Systems Institute, 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWVL.jsp>

19. Inglehart R. F. Cultural evolution: peoples motivations are changing, and reshaping the world. Cambridge University Press, 2018. 288 p. DOI: 10.1017/9781108613880

20. Khilkhanova E. Language ideologies and multilingual practices of post-soviet migrants in western europe from a translanguaging perspective // Balcania et Slavia. Studi linguistici. Studies in linguistics. 2021. Vol. 1. № 1. P. 01–30. DOI: 10.30687/BES/0/2021/01/000

21. The World Value Survey. The Inglehart-Welzel World Cultural Map. World Values Survey 4, 1996 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/> (дата обращения: 16.02.2023).

22. The World Value Survey. The Inglehart-Welzel World Cultural Map. World Values Survey 7, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/> (дата обращения: 16.02.2023).

References

1. Bart, F. (Ed.). (2006). *Etnicheskie gruppy i social'nye granicy: Social'naya organizaciya kul'turnyh razlichij* [Ethnic groups and social boundaries: social organization of cultural differences] (translated from English by I. Pilshchikov). Moscow: New Publishing House. 200 p. (In Russian).

2. Zhukotskaya, A. V. (2022). “Dialog kul'tur” i “kul'tura dialoga” — o vzaimnykh garantiiakh i defitsitakh [“Dialogue of cultures” and “culture of dialogue” — about mutual guarantees and deficits]. Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: cifrovye kommunikacii [Dialogue of Cultures. Culture of dialogue: Digital communications]. Materials of the Third International Scientific and Practical Conference, Moscow, March 29 – April 02, 2022 (editorial board: L. G. Vikulova (responsible editor) [et al.]) (pp. 124–130). Moscow: Yazyki Narodov Mira. (In Russian).

3. Inglehart, R., & Vel'tsel' K. (2011). *Modernizatsiia, kul'turnye izmeneniia i demokratiia: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiia* [Modernization, cultural changes and democracy: the sequence of human development]. Moscow: New Publishing House. 464 p. (In Russian).

4. Castells, M. (2000). *Informatsionnaia epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture] (translated from English; under the scientific editorship of O. I. Shkaratan). Moscow: Higher School of Economics. 608 p. (In Russian).

5. Kozhevnikova, M. N. (2021). Znachenie Drugogo v kontekste filosofsko-antropologicheskikh osnovanii obrazovaniia [The significance of the other in the context of the philosophical and anthropological foundations of education]. *Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, 1, 73–86. (In Russian). <http://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-1-73-86>

6. Libera, A. (2021). Ot struktury k rizome: transdistsiplinarnost' vo frantsuzskoi filosofii. Sub'ekt re-/detsentrirovanny [From structure to rhizom: transdisciplinary in French philosophy. The subject of re-/decentered]. *Logos*, 31, 3, 123–148. (In Russian). <http://doi.org/10.22394/0869-5377-2021-3-123-145>.

7. Noimann, I. (2004). *Ispol'zovanie “Drugogo”: obrazy Vostoka v formirovanii evropeiskikh identichnostei* [The use of “other”: images of the East in the formation of European identities] (translated from English by V. B. Litvinov, & I. A. Pilshchikova; preface by A. I. Miller. Moscow: New Publishing House. 336 p. (In Russian).

8. Turarbekova, L. V., Kanagatova, A. M., Saparova, D. R., & Edil'baeva, S. Zh. (2022). “Pokolenie Ia-Pokolenie My”: Paradoksy prefigurativnoi kul'tury na postsovetском prost-ranstve [“Generation of I-Poking We”: paradoxes of prefigurative culture in the post-Soviet space]. *Bulletin of ENU named after L. Gumilyov series: Historical sciences. Philosophy. Religious Science*, 139, 2, 168–188. (In Russian). <http://doi.org/10.32523/2616-7255-2022-139-2-168-18-18>

9. Khantington, S. (2016). *Stolknovenie tsivilizatsii [Clash of civilizations]* (translated from English by T. Velmeyev. Moscow: AST Publishing House. 640 p. (In Russian).
10. Khilkhanov, D. L., & Khilkhanova, E. V. (2021). Fenomen kul'turnoi distantsii v sovremennykh usloviyakh (iazykovye i religioznye faktory) [The phenomenon of cultural distance in modern conditions (linguistic and religious factors)]. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Philosophical sciences*, 3(39), 55–65. (In Russian). <http://doi.org/10.25688/2078-9238.2021.39.3.06>
11. Khilkhanova, E. V., & Khilkhanov D. L. (2020). Etnokul'turnaia identichnost' migrantov iz vostochnykh regionov byvshego SSSR v svete teorii «stolknoveniia kul'tur» [Ethnocultural identity of migrants from the eastern regions of the former USSR in the light of the theory of “clash of cultures”]. *Polylinguality and transcultural practices*, 17, 1, 31–38. (In Russian). <http://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-1-31-38>
12. Castells, M. (2018). *Rupture: The Crisis of Liberal Democracy*. Cambridge: Polity Press. 176 p.
13. Castells, M., Bouin, O., Caraça, J., Cardoso, G., Thompson, J. B., & Wiewiorka, M. (Eds) (2018a). *Europe's Crises*. Cambridge: Polity Press. 476 p.
14. Deleuze G., & Guattari F. (1976). *Rhizome. Introduction*. Paris: Les Éditions de Minuit. 74 p.
15. Fishman, J. A. (1991). *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages*. England: Multilingual Matters. 413 p.
16. Gedeshi, I., Zulehner, P. M., Rotman, D., Titarenko, L., Billiet, J., Dobbelaere, K., & Kerkhofs J. (2020). *European Values Study Longitudinal Data File 1981–2008 (EVS 1981–2008). ZA4804 Datenfile Version 3.1.0*. Köln: GESIS Datenarchiv. Retrieved from <https://doi.org/10.4232/1.13486>
17. Haerpfer, C., Inglehart, R., Moreno, A., Welzel, C., Kizilova, K., Diez-Medrano, J., Lagos, M., Norris, P., Ponarin, E., & Puranen B. (Eds). (2020). *World Values Survey: Round Seven — Country-Pooled Datafile*. Spain: Madrid; Austria: Vienna: JD Systems Institute & WVSA Secretariat. Retrieved from <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp>
18. Inglehart, R., Haerpfer, C., Moreno, A., Welzel, C., Kizilova, K., Diez-Medrano, J., Lagos, M., Norris, P., Ponarin E., & Puranen B. et al. (Eds). (2014). *World Values Survey: All Rounds — Country-Pooled Datafile Version*. Madrid: JD Systems Institute. Retrieved from <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWVL.jsp>
19. Inglehart, R. F. (2018). *Cultural evolution: peoples motivations are changing, and re-shaping the world*. Cambridge University Press. 288 p. <http://doi.org/10.1017/9781108613880>
20. Khilkhanova, E. (2021). Language ideologies and multilingual practices of post-soviet migrants in western europe from a translanguaging perspective. *Balkanica et Slavia. Studi linguistici | Studies in linguistics*, 1, 1, 01–30. <http://doi.org/10.30687/BES/0/2021/01/000>
21. *The World Value Survey* (1996). The Inglehart-Welzel World Cultural Map. World Values Survey 4. Retrieved from <http://www.worldvaluessurvey.org/>
22. *The World Value Survey* (2020). The Inglehart-Welzel World Cultural Map. World Values Survey 7. Retrieved from <http://www.worldvaluessurvey.org/>

Информация об авторе / Information about the author:

Хилханов Доржи Львович — доктор социологических наук, профессор, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия.

Khilkhanov Dorzhi L'vovich — Doctor of Sociology, Professor, Moscow City University, Moscow, Russia.

khiklhanovdl@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9382-7757>